

О Московском университете в начале XX века

<https://oralhistory.ru/talks/orh-322-326>

12 сентября 1973

Собеседник

Матвеев Борис Степанович

Ведущий

Дувакин Виктор Дмитриевич

Дата записи

Беседа записана 12 сентября 1973 и опубликована 19 мая 2023.

Введение

Во второй беседе зоолог Борис Матвеев описывает роль университетов в развитии естествознания в России и рассказывает об истории Московского университета в первой трети XX века. Он объясняет суть предметной системы преподавания и вспоминает профессоров физико-математического факультета, покинувших Московский университет из-за политики министра народного просвещения Льва Кассо. Борис Степанович рассказывает о своих университетских товарищах, впоследствии ставших известными учеными, и дает характеристику военному и послереволюционному студенчеству. Кроме того, Матвеев описывает деятельность Вышинского в качестве ректора МГУ.

Беседа подготовлена и опубликована при поддержке БФСО «Дар» в рамках программы документирования истории образования в России.

Виктор Дмитриевич Дувакин: Борис Степанович, мы с вами договорились, что вы расскажете сегодня все, что вы помните по истории Московского университета.

Борис Степанович Матвеев: Моя жизнь, начиная с 1901 года, когда я еще был гимназистом второго класса, мы переехали жить в Москву, тесно связана с жизнью Московского университета. И мне хочется поделиться своими воспоминаниями о жизни Московского университета и о развитии естествознания в нем.

В. Д.: С 901-го года!

Б. М.: Да. Когда я занимался...

В. Д.: Это семьдесят два года! Просто совершенно фантастично!

Карл Рулье и школа биологов-эволюционистов

Б. М.: Когда я занимался историей естествознания, то я получил очень яркое впечатление, что в истории русской культуры университеты играли ведущую роль передовых центров, так как Ленинградская академия наук...

В. Д.: Петербургская, да.

Б. М.: Петербургская академия наук находилась, с одной стороны, под иностранным влиянием, с другой, <нрзб.> всегда находилась в более отсталых впечатлениях.

В. Д.: Условиях, в более отсталых условиях.

Б. М.: В более отсталых условиях. И вот относительно нескольких таких этапов в жизни Московского университета мне хотелось напомнить. Первый этап — очень яркий этап, когда в Московском университете главенствовал знаменитый естествоиспытатель Карл Францевич Рулье.

В. Д.: Руди?

Б. М.: Рулье. Лектор и организатор науки, Рулье еще до выхода в свет учения Дарвина проповедовал эволюционные идеи у нас в Московском университете и был основателем школы первых биологов-эволюционистов. Такими первыми биологами-эволюционистами были, с одной стороны, будущий директор Зоологического музея Анатолий Петрович Богданов, основатель русской школы антропологов и зоологов, затем Николай Алексеевич Северцов, известный путешественник и открыватель, создатель экологии и путешественник по Туркестану...

В. Д.: С сыном которого вы знакомы, о котором рассказывали...

Б. М.: Сыном которого был моим учителем, академик Алексей Николаевич Северцов. И Сергей Алексеевич Усов. Все профессора Московского университета, первые эволюционисты в России. Следовательно, этот этап был очень яркий. Вы знаете, эти годы были связаны с революционными выступлениями. Рулье умер уже в 50-м¹ году, когда еще были...

¹ Карл Францевич Рулье умер в 1858 году.

Университетский устав 1884 года

В ответ на эти революционные выступления, связанные с именами Герцена и Огарёва, памятники которых стоят перед нашим входом в университет, наступило время тяжелой реакции. Это тяжелый Устав 1885 года. Вот как об этом уставе пишет мой покойный товарищ по университету Сергей Иванович Огнёв в воспоминаниях своего отца гистолога Ивана Фроловича Огнева. Вот как Огнёв писал об этом уставе...

В. Д.: А где он писал это?

Б. М.: В воспоминаниях о своем отце. «Устав этот вызвал крайнее недовольство среди профессуры, лишая ее всякого активного участия в делах университета. Он превращал профессоров в простых чтецов лекций. Студенты, несмотря на все полученные ими аттестаты зрелости, в стенах университета приравнивались к ребятам, за которыми нужны глаз да глаз. За ними был поставлен целый полицейский штат, состоявший из инспектора, кучи его помощников и педелей. Все эти люди должны были наблюдать за тем, чтобы профессора читали свои лекции, а студенты их аккуратно посещали. Педеля отмечали отсутствие определенных студентов, а также какие профессора манкировали своими обязанностями, и доносили об этом инспектору, подчиненному непосредственно попечителю. Факультет и совет были лишены всякой автономии. Только ассистентов, лаборантов и ординаторов мог выбирать факультет, а совет их утверждал. Совет профессоров собирался для прочтения какого-нибудь приказа попечителя или министра. Студенты и профессора в значительной степени противопоставлялись друг другу и не могли при такой ситуации составлять дружественной корпорации. Профессора, чтецы лекций, не имели право вступать в какие-либо близкие отношения со студентами, посетителями их лекций. Устав вызывал немало недоумений. Наиболее темны были требования производить диспутатории и конверсатории...»

В. Д.: Что это значит?

Б. М.: Вот какие-то особые...

В. Д.: Диспутаторий?

Б. М.: Диспутатории, да.

В. Д.: Да.

Б. М.: Вот этот период тяжелой реакции в жизни Московского университета кончился, как говорит история (даже описано в истории партии, в старой), в 901-м — 902-м году громадной забастовкой студентов, когда бастовало тридцать – сорок тысяч студентов в России. После этого...

В. Д.: Только вы не отрывайтесь от личных воспоминаний. Вы в это время уже студентом были?

Б. М.: Нет, нет, я же вам... Нет, я был еще мальчиком. Это я говорю...

В. Д.: Так, это, может, и надо напомнить, но на этом не надо останавливаться.

Б. М.: Я не буду рассказывать. Так, теперь, следовательно...

В. Д.: Простите, а почему вы сказали, на каком основании, что вы связаны с Московским университетом с 901-го года?

Б. М.: Я перехожу к этому.

В. Д.: Вот давайте, а то я...

О предметной системе преподавания

Б. М.: После этого новый устав был отменен, и наступил очень интересный период жизни Московского университета, которому я являюсь уже свидетелем. Это период, когда был министр Ванновский. Было установлено автономное управление университетом и, следовательно, так называемая предметная система преподавания, которую еще и я застал в университете и которая представляет собой очень яркий этап в жизни Московского университета.

В. Д.: Поясните, пожалуйста, так, чтобы было совсем понятно вот мне, тоже старому студенту, что такое предметная система преподавания.

Б. М.: Предметная система преподавания представляет собой следующий порядок обучения: примерный план преподавания... Я знаю о плане преподавания физико-математического факультета, которого я касался...

В. Д.: На любом примере, все равно.

Б. М.: Предлагался примерный план тех предметов, которые студент должен обучить в течение четырехлетнего...

В. Д.: А не пятилетнего?

Б. М.: Четырехлетнего обучения, четырехлетнего обучения.

В. Д.: Так.

Б. М.: Порядок обучения студент выбирал сам.

В. Д.: То есть что раньше слушать, так сказать, тот раздел физики или другой, он выбирает...

Б. М.: Вообще, он такие-то предметы должен заслушать, а, так сказать, уже...

В. Д.: В каком порядке...

Б. М.: Конечно, имеется последовательность, то есть и сдать некоторый минимум экзаменов, которые он делает в течение полукурсовых испытаний. А затем, следовательно, наступают государственные экзамены, где уже он дает отчет о своем знании о предметах по специальности. На полукурсовых экзаменах студент по предметной системе преподавания сдавал главным образом общие естественно-исторические предметы, но не предметы своей специальности. Все предметы по своей специальности...

В. Д.: Он откладывал.

Б. М.: Он держал уже на государственных экзаменах. Вот у меня сохранилась...

В. Д.: Ага, значит, той акции перехода с одного курса на другой не было?

Б. М.: Нет. Вот моя зачетная книжка, где видно тот предмет...

В. Д.: Ага, как интересно. (*Читает*): «Это запись студента Императорского Московского университета физико-математического факультета; имя, отчество, фамилия — Бориса Степановича Матвеева (через ять, ясно), поступившего в Московский университет в 1908 году». Ага, месяца нет, значит, печать императорская. «В случае утраты требуется пятьдесят копеек на типографские расходы». Мало формалистики. Собственная подпись студента, ваша фотография. Вообще, зачетная книжка, я бы сказал, выглядит, пожалуй, солиднее, чем у теперешнего студента.

И вот вы сдавали: Лебедев — «Сокращенный курс физики», Каблуков — «Введение в общую химию», Ландсберг (всё знакомые имена!) — «Введение в зоологию». Хотя я не естественник, но все...

Б. М.: «Введение в зоологию» не Ландсберг, «Введение в зоологию» — Мензбир.

В. Д.: Мензбир. Я думал Ландсберг.

Б. М.: Мензбир.

В. Д.: Мензбир, «Введение в зоологию», «... сравнительную анатомию» — Кольцов. Это какой же Кольцов? Это будущий евгеник?

Б. М.: Да-да.

В. Д.: «Зоология беспозвоночных». Карзин — «Анатомия человека». Крашенинников...

Б. М.: Карузин.

В. Д.: Карузин — «Анатомия человека», Крашенинников — «Анатомия растений». Опять Кольцов...

Б. М.: «Практические занятия по зоологии беспозвоночных».

В. Д.: Ах, значит, это он же, да?

Б. М.: Да.

В. Д.: Крашенинников, опять Мензбир и опять Каблуков.

Б. М.: Да.

В. Д.: Всё практические занятия. Это же очень интересно! Вообще ее надо, конечно, сохранить. Это в каком году? 908-го года! Батюшки!

Б. М.: Да, да.

В. Д.: Так, на следующий год, 9-й, опять Лебедев, Каблуков, Мензбир, Кольцов, Крашенинников...

Б. М.: Это осенний и весенний семестр. Это первый курс.

В. Д.: Так, но вот не было, собственно, различия между первым и вторым курсом.

Б. М.: То есть экзамен мы могли сдавать... Скажем, для перехода на второй курс не нужно было сдавать экзамена.

В. Д.: А просто вы слушали лекции второго курса.

Б. М.: Да. Слушали лекции и работали в лабораториях.

В. Д.: Второго курса.

Б. М.: Да.

В. Д.: Значит, так. Следует второй, третий, и, значит, закончили вы в 11-м году, да?

Б. М.: В 12-м.

В. Д.: Мензбир, Усов — «Эмбриология».

Б. М.: Да.

В. Д.: Новиков — «Гистология».

Б. М.: Это тот самый Новиков, который был потом ректором в пражском университете². Он был ректором у нас в Московском университете...

² Речь идет о Русском народном университете, созданном русскими эмигрантами в Праге.

В. Д.: Значит, это всё крупные люди...

Б. М.: А потом был выселен.

В. Д.: Кем? Нашими или...

Б. М.: В советское время.

В. Д.: Ах, в пражском университете был? Как же он мог быть выселен из Праги? Ах, он в 22-м году уехал?

Б. М.: Да-да.

В. Д.: А, еще в числе тех профессоров, которые вынужденно покинули университет.

Б. М.: Да-да.

В. Д.: Главным образом это историки милюковского...

Б. М.: Вот биологи были, вот Новиков, гистолог. Он был потом ректором университета в Праге.

В. Д.: Да. Это, между прочим, было, я могу вам сказать...

Б. М.: В 20-м.

В. Д.: Да, это в 20-м, 21-м году, 22-м...

Б. М.: Да-да-да.

В. Д.: Это продолжалось некоторое время. Между прочим...

Б. М.: Егоров...

В. Д.: Начал Егоров, нет, он остался.

Б. М.: Математик. Он остался.

В. Д.: Егоров до смерти преподавал.

Б. М.: Егоров оставался, но тогда кампания была вся эта. Стратонов...

В. Д.: Платонов, нет...

Б. М.: Стратонов.

В. Д.: Стратонов, да. Историк Кизеветтер уехал.

Б. М.: Да.

В. Д.: Между прочим, я позволяю себе немножко с вами диалог... (*Видимо, отдает зачетную книжку*) Спасибо вам, это очень интересный документ, сохраните его. Может быть, будет музей Московского университета, тогда это найдет там место. Я вот никак не доскажу фразу, что, между прочим, эту кампанию, связанную с выселением профессоров Московского университета, начал Троцкий.

Б. М.: Кто?

В. Д.: Троцкий.

Б. М.: Да.

В. Д.: Была статья Троцкого «Диктатура, где твой хлыст?», после которой это и началось. Уехал Кизеветтер, уехал Айхенвальд и много людей, которые советской культуре еще, несомненно, принесли бы большую пользу. Ну, продолжайте, пожалуйста.

Б. М.: Значит, вот эта так называемая предметная система была связана с необязательным посещением лекций, но с большим вниманием, уделяемым лабораторным занятиям. В это время были как раз учреждены те основные лабораторные курсы, которые уже после Октябрьской революции явились стержнями университетского преподавания и являются по настоящее время, когда основной задачей подготовки специалистов университетских является, так сказать, подготовка к исследовательской работе. Такими являлись работы по химии, по качественному и количественному анализу. Такие же большие лабораторные практикумы были установлены и по физике, и, естественно, по различным отраслям биологии. Вот в чем заключалась эта предметная система преподавания.

Этот период в жизни Московского университета был чрезвычайно ярким, потому что во главе стояли очень крупные профессора. Приведу несколько примеров.

В. Д.: Пожалуйста.

Б. М.: По физике Николай Алексеевич Умов, президент Московского общества испытателей природы и крупнейший физик. Петр Николаевич Лебедев, физик.

В. Д.: Все эти имена, конечно, знакомы каждому грамотному человеку. Вы знаете, Умов упоминается даже у Андрея Белого в поэме: «И строгой физикой мой ум начинал профессор Умов».

Б. М.: Затем, следовательно, по химии Сабанеев, по органической химии, и Каблуков, крупнейшие химики. Молодой Николай Дмитриевич Зелинский по органической химии уже начинал свою деятельность именно тогда, будучи еще доцентом. Дальше Климентий Аркадьевич Тимирязев по ботанике. Затем Михаил Александрович Мензбир по зоологии. Дальше, по геологии Алексей Петрович Павлов. И Мензбир, и Павлов — известные пропагандисты учения Дарвина у нас в России. По геологии Андрей Дмитриевич Архангельский, молодой тогда еще, так сказать, ассистент. Вот какой блестящий набор преподавателей тогда был на физико-математическом факультете.

Студенческие волнения в 1911 году

Этот период характеризуется воспитанием школы естествоиспытателей, которые после революции заняли все главные кафедры в Московском университете. Этот период окончился, как вы знаете, весьма трагически, потому что в 1911 году, когда ректором был Александр Аполлонович Мануйлов, помощником ректора был Михаил Александрович Мензбир и проректором Минаков, были серьезнейшие студенческие волнения. Эти волнения студенческие, в которых (я был студентом) я также принимал участие, эти студенческие волнения жестоко подавлялись полицией. Градоначальник генерал Трепов и казаки всячески эти студенческие волнения подавляли. И вот когда в 1911 году была сходка в Московском университете, студенческая сходка с очень резкими революционными выступлениями студентов, требующими уже коренных реформ — «Долой самодержавие!», полиция хотела войти в здание университета, чтобы арестовать вожаков этой самой... И тогда правление университета в лице ректора Мануйлова, помощника ректора Мензбира и проректора Минакова отказалось допустить полицию в здание университета. «Ваше, — говорят, — право расправляться с бунтовщиками на улице, но университет — храм науки», — и они разрешить вход полиции в университет не имеют права.

В. Д.: Это как раз Александр Аполлонович Мануйлов?

Б. М.: Да.

В. Д.: Я его помню, он мне даже родственник дальний. Так. Значит, либерал ректор, кадет Мануйлов не допустил треповскую полицию (сам по себе этот эпизод широко известен) в университет. Я только подробности. Теперь мне можно дополнительно такой вопрос: в чем, собственно, заключались беспорядки, с чего они начались?

Б. М.: Начались они, когда после революции 1905 года начался период столыпинской реакции тяжелой, когда уже здесь студенчество, как всегда, студенчество и по настоящее время являлось носителем передовых идей, они и выступали самым революционным... А в 902-м году был съезд партии, как вам известно.

В. Д.: Ну, это я все знаю, общие вещи, так сказать...

Б. М.: Да. Так что это отражение революционного движения.

В. Д.: Это шесть лет уже спустя. Нет, это в 908-м году или в 11-м?

Б. М.: В 11-м.

В. Д.: В 11-м году. Значит, это уже через девять лет после съезда партии.

Б. М.: Я понимаю, но тут столыпинская реакция, которая здесь вызывала очень серьезные...

В. Д.: Ну, а университет сам бастовал, занятия отменяли?

Б. М.: Да. Студенческие забастовки были постоянно, в период моего обучения в университете бывали студенческие забастовки, студенческие демонстрации, и довольно бурный период был. Был очень бурный период.

В. Д.: Вы в эту пору были студентом?

Б. М.: Я был студентом.

В. Д.: А Умов, Лебедев, Столетов — это всё были ваши учителя?

Б. М.: Учителя.

Значит, в ответ на этот протест правления университета был издан приказ об увольнении трех членов этого правления, то есть Мануйлова, Мензбира и Минакова из состава университета без права преподавания в университетах вообще.

В. Д.: Ой-ей-ей, я не знал этого.

Б. М.: Да-да.

В. Д.: Да, так они пострадали все-таки.

Б. М.: Да.

В. Д.: Мануйлов — это который был потом редактором «Русских новостей»...

Б. М.: Да-да.

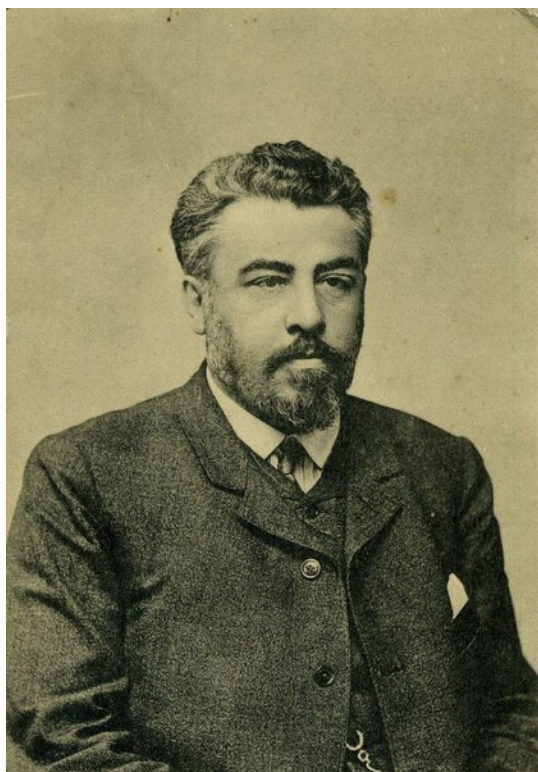
В. Д.: А в советские годы директором Госбанка.

Б. М.: Вот это я не знаю.

В. Д.: Или помощником директора, я точно не помню.

Б. М.: Я не знаю, это я не знаю.

В. Д.: Да. Умер в 27-м — 28-м году.

Александр Аполлонович Мануйлов

Об уходе профессоров из Московского университета

Б. М.: В ответ на такой неслыханный акт удаления выборного правления в Московском университете началась очень знаменательная отставка почти большинства профессоров и преподавателей университета, когда они потребовали уход из университета очень многих профессоров и преподавателей, вызвавшая полный разгром. Потому что в ответ после этого либерального министра Ванновского был назначен министром народного просвещения...

В. Д.: Кассо, да?

Б. М.: Да, профессор-юрист Московского университета Кассо. В ответ на назначение этого министра Кассо большинство передовых профессоров и преподавателей Московского университета ушло из Московского университета. Пришлось Кассо набирать отовсюду других профессоров. Да, я забыл еще упомянуть, конечно, Владимира Ивановича Вернадского, который был в это время профессором Московского университета.

В. Д.: Он тоже был членом правления?

Б. М.: Нет. Он был профессором Московского университета, минерологом и ушел вместе с другими профессорами.

В. Д.: А это вот тот самый, имени которого проспект?

Б. М.: Да-да.

В. Д.: Значит, он уже был начинающим ученым...

Б. М.: Да, был не очень начинающим, уже ему было порядком, около пятидесяти ему было.

В. Д.: Ага. Значит, он тоже оставил университет?

Б. М.: Да. Он, Лебедев, Умов, химики, Зелинский, Лазарев Петр Петрович — все они ушли из Московского университета.

Профессора Московского императорского университета. Сидят: В. П. Сербский, К. А. Тимирязев, Н. А. Умов, П. А. Минаков, А. А. Мануйлов, М. А. Мензбир, А. Б. Фохт, В. Д. Шервинский, В. К. Цераский, князь Е. Н. Трубецкой. Стоят: И. П. Алексинский, В. К. Рот, Н. Д. Зелинский, П. Н. Лебедев, А. А. Эйхенвальд, Г. Ф. Шершеневич, В. М. Хвостов, А. С. Алексеев, Ф. А. Рейн, Д. М. Петрушевский, Б. К. Млодзеевский, В. И. Вернадский, С. А. Чаплыгин, Н. В. Давыдов. Москва, 1911

У меня сохранилась группа нашего... Я ученик Михаила Александровича Мензбира, в его Институте сравнительной анатомии как раз специализировался тогда. У меня сохранилась группа проводов Михаила Александровича Мензбира, где состав весь нашего Института сравнительной анатомии также ушел в отставку. Вот этот разгром Московского университета я застал, еще будучи студентом третьего курса. Мне пришлось уже четвертый курс быть после этой тяжелой реакции, когда уже вступил в свои действия новый устав Кассо, который отменил всю эту систему преподавания. Установились новые жесткие планы преподавания, общие для всего факультета, и когда Московский университет потерял всех своих наиболее ярких и талантливых профессоров.

В. Д.: Кто же в период Кассо стал ректором университета?

Б. М.: Такой филолог Боголепов³, одноглазый, косой, Боголепов.

³ После отставки А. А. Мануйлова ректором Московского университета был М. К. Любавский. Д. П. Боголепов был председателем Временного президиума МГУ в 1920–1921 гг.

В. Д.: Совершенно неизвестное имя.

Б. М.: Я не знаю его.

В. Д.: Да. Он и как филолог мне не... Я не слышал, я не знаю этого имени.

Б. М.: Боголепов был тогда после этого назначен ректором.

В. Д.: Ага. Значит, это был просто малосамостоятельный чиновник?

Б. М.: Да. В этот период в жизни нашего студенчества сыграл большую роль, когда я еще был студентом, вот этот свободный университет Шанявского.

В. Д.: А! Так-так-так. Это на Миусской площади?

Б. М.: На Миусской площади. Где наши ушедшие профессора нашли свой приют и продолжали читать лекции уже для вольных слушателей, где, так сказать, продолжала еще свободная наука. Я лично принимал участие и в этом университете Шанявского. Вот где-то, сейчас я вам покажу, у меня сохранился билет для входа в этот самый университет Шанявского.

В. Д.: Вы там были студентом или преподавателем?

Б. М.: Нет, я был студентом. Я приходил туда слушать лекции и научные заседания у Кольцова. У Кольцова, который точно так же ушел из Московского университета и организовал первую школу своих учеников еще в университете Шанявского. Школа Кольцова хорошо известна.

В. Д.: Это основопологатель советской генетики, да?

Б. М.: Да-да, основопологатель советской генетики.

В. Д.: Основоположник правильнее. Так. (*Берет у Матвеева билет*) Разрешите взглянуть. Это, значит, «билет № 152, выдан правлением Московского городского университета имени А. Л. Шанявского слушателю университета Б. С. Матвееву на право посещения в 1913-м — 14-м году нижепоименованных эпизодических курсов». И только назван тут Бело...

Б. М.: Белоголовый, да-да. Это ученик Мензбира, который ушел тогда же из Московского университета.

В. Д.: Так. (*Продолжает читать*). «Необходимо предъявлять при входе на занятия. Настоящий билет действителен только для лица, на имя которого выдан, и посещения лекций только на обороте поименованных преподавателей». Простите, тогда

еще один маленький вопрос, даже два. Во-первых, это было платно посещение лекций?

Б. М.: Нет.

В. Д.: Профессора оплачивались или нет?

Б. М.: Нет, по-моему, не оплачивались, насколько я себе представляю.

В. Д.: И кто такой Шанявский?

Б. М.: Вот это я не знаю.

В. Д.: А. Л. Шанявский. Просто купец, меценат?

Б. М.: Меценат. Но я более подробно о нем ничего не знаю.

В. Д.: Я очень часто слышал «университет Шанявского», но никто мне не мог сказать, что это за человек, и почему он на это тратил деньги.

Б. М.: Я не знаю. Я знаю, что какой-то меценат, который дал средства для этого, но больше о нем ничего не знаю.

В. Д.: Ага, понятно. Так.

Альфонс Леонович Шанявский

Б. М.: Здесь очень яркий период в жизни Московского университета после революции 1905-го года вплоть до 1911-го года. Как раз мне удалось учиться именно в этот очень яркий период жизни Московского университета, когда здесь и была воспитана та основная когорта, так сказать, естествоиспытателей, какие в дальнейшем после Октябрьской революции заняли кафедры на физико-математическом факультете Московского университета. Это очень был яркий период жизни Московского университета. Мне посчастливилось быть его участником.

В. Д.: Да, это интересно.

Б. М.: Следовательно, дальше очень тяжелые годы первой войны с Германией, которые, конечно, сильно расстроили Московский университет, поэтому нужно перейти непосредственно к тому, что внесла в жизнь Московского университета уже Февральская и Октябрьская революции, то есть революции 1917 года.

В. Д.: Простите, но все-таки вот этот период, значит, с 911-го по 917-й год. Ректором после Боголепова, или как его, Боголюбова...

Б. М.: Боголепова, да.

В. Д.: ...Боголепова был кто-нибудь другой ректором?

Б. М.: Там было много.

В.Д.: Постепенно происходило некоторое смягчение, так сказать, режима Боголепова-Кассо.

О лабораторных и практических занятиях

Б.М.: Видите ли, ведь все-таки преподавание оставалось согласно уже плану, данному министерством Кассо, то есть постоянный план преподавания, общий для всех естественников... Где было обращено большое внимание на общие естественно-исторические предметы, но, следовательно, традиции Московского университета продолжали еще сохраняться и лабораторные занятия продолжали уже являться центральными на всех естественно-исторических факультетах здесь в Москве, то есть на всех отделениях физико-математического факультета. Конечно, жизнь потребовала здесь уже, так сказать, значительного смягчения, но все-таки преподавание оставалось связанным с тем уставом, который был издан тогда же министром Кассо.

В.Д.: Значит, вот в 87-м году был...

Б.М.: В 85-м.

В.Д.: В 85-м? Первый устав, новый университетский устав при Александре III, так? А затем в 901-м был свободный, так сказать, устав...

Б.М.: Точно я не знаю, когда... Я боюсь здесь точно дать справку, когда наступила вот эта предметная система преподавания, которая характеризует собой в основном преподавание после 905-го года.

В.Д.: Ах, 905-й год! Потом в 911-м разгром университета министром Кассо, и вот с 11-го по... Но этот разгром, насколько я вас понял, не коснулся лабораторий?

Б.М.: Нет, нет, не коснулся лабораторий.

В.Д.: Не коснулся?

Б.М.: Нет.

В.Д.: Ведь по уставу 90-х годов, вот Александра III, лабораторные занятия в таком количестве не предусматривались?

Б.М.: Нет.

В.Д.: В основном это было чтение лекций?

Б.М.: Да. Это уже достижение, как мне известно... Вот Анатолий Петрович Богданов, то есть уже ученик Рулье, впервые включил в преподавание на физико-математическом факультете Московского университета практические занятия лабораторные. Уже тогда они начали входить в виде маленьких двухчасовых демонстраций препаратов после лекций. И вот когда я учился, как вы видели в моей зачетной книжке, курсы лекций и внизу повторяются фамилии — это практические занятия. Двухчасовые практические занятия, так сказать, уже были...

В.Д.: Узаконены.

Б.М.: При всех основных курсах естественно-исторических по всему физико-математическому факультету. Лабораторные занятия твердо заняли, так сказать, уже почву в преподавании на физико-математическом факультете. А вот самостоятельные лабораторные занятия типа гросспрактикумов, больших практикумов — это является, так сказать, уже крупным достижением, которое было введено после предметной системы преподавания, после 905-го года, и которые в дальнейшем, после революции, явились основным стержнем, определяющим специфику преподавания в университетах, в отличие от других специальных вузов. Ни в каких других специальных вузах таких специальных больших самостоятельных занятий нет до сих пор. Потому что там основная задача — подготовить специалиста-мастера, так сказать, выполняющего, а не исследователя. Ведь в этом отношении университетское преподавание имеет все-таки свою яркую специфику.

В.Д.: Понятно. Ну, большим прозелитом, большим сторонником именно этой университетской специфики был и покойный Иван Георгиевич Петровский.

Б.М.: Да!

В.Д.: Ну, будем надеяться, что эти традиции продолжатся, и в смысле практикумов исследовательских, и таких естественно-научных, в смысле собирания, экспедиций и так далее, и всего прочего.

О товарищах по студенческой скамье

Теперь, Борис Степанович, у меня к вам другой вопрос. Прежде чем мы перейдем к революционному университету, мне хочется, чтобы вы что-то дополнили, что вы помните, во-первых, о конкретных преподавателях, а во-вторых, о конкретных студентах, с которыми вы учились. Там, наверное, тоже есть какие-то... Потому что то, что там по уставу и в каком году университетский устав был, это и без того по документам можно узнать. А вот что человек помнит о людях... С кем вы учились, кого помните и при ком вы учились, кого помните. Естественно, студент меньше знает профессоров, но все-таки...

Б.М.: Я уже отметил, что период в жизни физико-математического факультета с 1905-го по 1911 год был очень ярким периодом, который воспитал специалистов, которые затем и заняли кафедры в Московском университете. Это были в значительной степени мои товарищи по студенческой скамье. Я могу назвать целую плеяду людей, которые здесь были тогда совместно со мной. Во-первых, Василий Васильевич Алехин, старше немножко, чем я, основатель, так сказать,

по геоботанике.

В. Д.: Музея геоботаники или кафедры геоботаники?

Б. М.: Кафедры геоботаники. Гистолог Алексей Всеволодович Румянцев, мой большой друг. Будущий академик Михаил Михайлович Воско...

В. Д.: Воскобойников?

Б. М.: Нет, Воскобойников старше. Нет. Михаил Михайлович Завадовский. Сергей Николаевич Скадовский, основатель биохимической(?) лаборатории, тоже профессор Московского университета. Сын художника Васнецова, мой друг, Владимир Викторович Васнецов, основатель у нас кафедры ихтиологии...

В. Д.: Ах вот как!

Б. М.: Да.

В. Д.: Сын Васнецова — основатель кафедры ихтиологии.

Б. М.: Да.

В. Д.: Интересно. Он жив до сих пор?

Б. М.: Нет, умер. Евгений Евгеньевич Успенский, первый основатель кафедры микробиологии у нас... (*Перерыв в записи*)

Московский университет при ректоре Мензбире

В. Д.: Продолжайте, Борис Степанович, прошу вас.

Б. М.: Третий период, так сказать, расцвета жизни на физико-математическом факультете Московского университета связан уже с революцией 1917 года. Революция 1917 года вернула в Московский университет всех профессоров и преподавателей, ушедших в 1911 году.

В. Д.: Всех ушедших в 11-м году?

Б. М.: Да.

В. Д.: Между прочим, естественный факультет и физико-математический факультет — это в то время одно и то же?

Б. М.: Физико-математический факультет разделялся тогда на два отделения: физико-математическое отделение и естественное отделение. Естественное отделение, на котором учился я, объединяло биологов, химиков, географов, антропологов, агрономов, то есть всех естествоиспытателей.

В. Д.: Понятно. Теперь это отдельные факультеты.

Б. М.: В конце концов это то, что в 53-м году переехало на Ленинские Горы.

В. Д.: Да.

Б. М.: Потому что гуманитарные факультеты переехали, как вам известно, относительно позже на Ленинские Горы.

В. Д.: Так. Пожалуйста.

Б. М.: Ректором университета был тогда избран снова Михаил Александрович Мензбир, первым ректором...

В. Д.: После Февральской революции?

Б. М.: После Февральской революции был, следовательно, Михаил Александрович Мензбир.

В. Д.: Биолог.

Б. М.: Биолог, да, основатель московской школы сравнительной анатомии и зоогеографии.

Михаил Александрович Мензбир

Затем дальше вернулись все профессора и преподаватели, которые ушли из Московского университета в 1911 году. На кафедре Михаила Александровича Мензбира после 1911 года был... Вернулся в Московский университет тогда из Киевского университета ближайший ученик Михаила Александровича Мензбира будущий академик Алексей Николаевич Северцов, сын того Северцова, который был первым эволюционистом...

В. Д.: И путешественником.

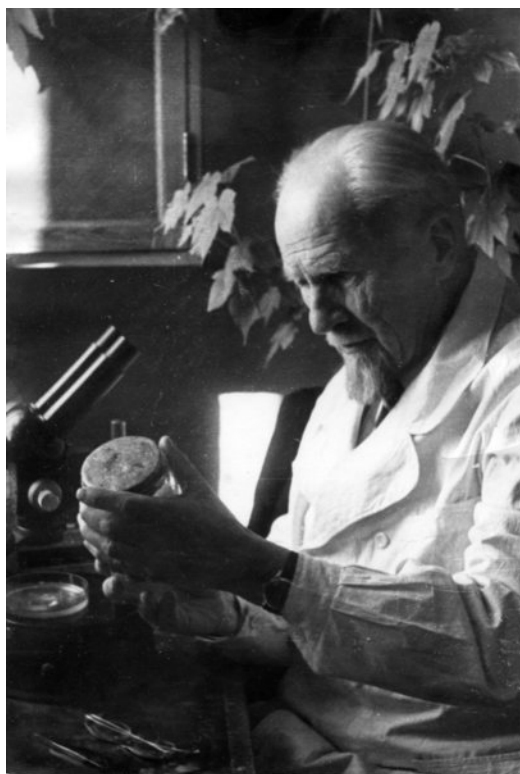
Б. М.: И путешественником. Он перед этим был профессором Киевского университета и там уже являлся основателем киевской школы эволюционистов и сравнительных анатомов. Я как раз после и стал учеником Алексея Николаевича Северцова, после 11-го года, был оставлен при университете и затем прошел весь ряд ступеней от лаборанта, младшего ассистента, ассистента и так далее, продолжая здесь работать в Московском университете вплоть до настоящего времени.

В. Д.: Вы и сейчас еще преподаете? Ведь вам восемьдесят пять лет!

Б. М.: Восемьдесят четыре. Я на пенсии, но консультант, так сказать. Сейчас постоянных лекций не читаю, теоретический раздел в нашем курсе анатомии продолжал еще читать. Затем у меня лаборатория продолжает оставаться, ученики, так что тесная связь у меня с университетом остается, я постоянно там бываю.

В. Д.: Какой курс у вас был?

Б. М.: Сравнительная анатомия позвоночных животных. Это тот курс, который был организован в Московском университете Михаилом Александровичем Мензбиром, затем его много лет читал академик Северцов, а затем кафедра перешла мне. Я занимал кафедру вплоть до 53-го года, до переезда Московского университета, а затем перестал заведовать, остался просто профессором при кафедре зоологии и сравнительной анатомии. А в 30-м... Вот здесь еще целый ряд этапов жизни, которые нужно отметить...

Борис Степанович Матвеев. Москва, 1969

В. Д.: Так, не будем забегать вперед. Значит, мы говорим сейчас о...

Б. М.: Периоде после...

В. Д.: ...после Февральской революции. Тут опять Мануйлов вернулся, нет?

Б. М.: Нет.

В. Д.: Мануйлов министром просвещения был.

Б. М.: Разве?

В. Д.: Да. При Керенском. Даже не при Керенском, а до Керенского. В первом правительстве Временном, когда Милюков был министром иностранных дел, то Мануйлов был министром... Так что он тогда уже стал относительно правым, так сказать, по отношению к теперешним, но надо сказать, что он остался советским гражданином и как крупный экономист был потом назначен на должность заведующего Московским государственным банком.

Ну, поскольку в 17-м году... Собственно, во все времена существуют каникулы и лета, то есть период, так сказать, Керенский, между февралем и октябрём, ведь он пал в конце концов на конец 16-го — 17-го учебного года и самое начало следующего.

Б. М.: Да-да-да.

О своем положении в период Первой мировой войны

В. Д.: Ну, тут из общей истории известно, что значительная часть студентов была настроена контрреволюционно в связи с Октябрьской революцией. Но мне вообще хотелось бы, чтобы вы не только перечень имен дали, но чтобы вы немножко охарактеризовали студенчество вашего времени. Ведь вы живой студент вот этого периода 5-го года и периода мировой войны.

Б. М.: Периода мировой войны. То есть во время мировой войны я уже кончил, в 13-м я уже был здесь лаборантом и ассистентом.

В. Д.: Лаборантом и ассистентом Московского университета?

Б. М.: Да, Московского университета.

В. Д.: Солдатом вы не были?

Б. М.: А? Нет.

В. Д.: Ни солдатом, ни офицером вы не были?

Б. М.: Нет, я не был. Я принимал участие в первой войне, уже ездил туда добровольно с медицинскими организациями Земского союза.

В. Д.: А! Земгор. Земгор так называемый, да?

Б. М.: Нет. Почему Земгор?

В. Д.: Земгор — это Союз городов, это другое.

Б. М.: Союз городов. Земский союз. Вот с ним я на каникулы уезжал и почти полгода пробыл на фронте, на Северном фронте, так что участие некоторое принимал, но в качестве медицинского работника.

В. Д.: Ага. Вам не пришлось наблюдать фронт в 17-м году?

Б. М.: Фронт?

В. Д.: Да.

Б. М.: В 17-м нет. Я видел фронт с германской войной, раньше.

В. Д.: Да, вот когда разваливался фронт.

Б. М.: Нет, я был в Московском университете уже. Я уже вернулся. В 15-м — 16-м году я был на фронте около Пскова.

В. Д.: Это где Блок был. Интересно, очевидно, там был более стабильный фронт.

Б. М.: Да, вот я там был.

В. Д.: Там же Блок сидел, Александр Блок, поэт.

Б. М.: Да? Этого я не знал, этого я не знал.

В. Д.: Писарем на псковском фронте.

Б. М.: Да. Вот там я пробыл почти полгода. А с весны получил право уехать, затем был вызван на занятия уже поздней осенью.

В. Д.: Вы уже работали лаборантом.

Б. М.: Я уже был ассистентом.

В. Д.: Ассистентом.

Б. М.: Да.

Борис Степанович Матвеев. 1916. Источник фото: www.rusalbom.ru

О порядке назначения на должности в университете

В. Д.: Теперь звание кандидата дают после какой-то... Как тогда? Вот ассистент, как он становился приват-доцентом или просто доцентом?

Б. М.: Порядок был общий такой, что ассистентов приглашал профессор, который являлся долгое время полноправным...

Профессор, заведующий кафедрой, который был полноправным хозяином своей кафедры, и весь свой персонал он приглашал, а затем лишь утверждал совет факультета. Следовательно, по представлению профессора Северцова после окончания университета в 1913 году (я учебный план кончил в 12-м году, а государственный экзамен держал в 13-м году) я был оставлен, как это тогда называлось, при университете для подготовки к профессорской деятельности. Затем в 1915 году был переведен на должность ассистента, который вел практические занятия и консультировал на лекциях своего профессора.

В. Д.: Понятно. Это очень дельный порядок: дальнейшая ответственность профессора-лектора за своего бывшего ученика.

Б. М.: Заведующий кафедрой имел свой твердый бюджет, которым он распоряжался как угодно. Так, например, мой первый учитель, профессор Мензбир, все средства по организованному им Институту сравнительной анатомии, который помещается этажом выше моей квартиры, употреблял для построения музея сравнительной анатомии и блестящей библиотеки, которая была Михаилом Александровичем Мензбиром организована в Институте сравнительной анатомии, им организованном. А когда был директором Института сравнительной анатомии после ухода Мензбира будущий академик Северцов, профессор Северцов, то он главное внимание уделял научно-исследовательским работам с микроскопами и вообще с оборудованием, а не музею. И здесь полное распоряжение финансами находилось в руках у профессора, заведующего данным учреждением, данной кафедры.

В. Д.: Понятно.

Б. М.: Ему выделялась определенная сумма денег, и он персонально отвечал за ее расходование.

В. Д.: И что же, этот бюджет впоследствии утверждался?

Б. М.: Конечно.

В. Д.: Ученым советом?

Б. М.: Он давался, конечно, ректоратом, правлением университета. Тогда называлось это «правление». И я еще этот период застал. Он продолжался ведь очень долгое время, даже после Октябрьской революции. Я лично был заместителем декана физико-математического факультета, когда он был еще общим факультетом, когда деканом был трагически погибший, к сожалению, геолог Мирчинк Георгий Федорович.

В. Д.: Как?

Б. М.: Мирчинк.

В. Д.: Мирчинк. А почему трагически?

Б. М.: Ну, он был арестован и погиб.

В. Д.: Ах, так!

Б. М.: Я был заместителем декана в годы 26-е — 27-е.

В. Д.: В ту пору, когда я был студентом этнологического факультета.

Б. М.: Я был в это время заместителем декана всего физико-математического факультета, и как раз в моем ведении находилось распоряжение финансами, так что я в курсе дела, как факультет делил.

В. Д.: Я вам скажу, тогда были студентами (вот мой брат тогда учился на физико-математическом факультете, поэтому я знаю) многие теперешние академики. Тогда как раз на физико-математическом факультете учился Понтрягин, Седов...

Б. М.: Да.

В. Д.: Фабрикант, математик...

Б. М.: Да.

В. Д.: Павел Сергеевич Александров уже был преподавателем. Немножко позднее...

Б. М.: Мандельштам и Ландсберг. А Ландсберг мой товарищ.

В. Д.: Мандельштам и Ландсберг, конечно. Ах, вы знали и Ландсберга?

Б. М.: Ну как же не знать?

В. Д.: Ну, я знаю эти фамилии...

Б. М.: С Александром Николаевичем Несмеяновым, Борисом Александровичем Казанским, химиками, Ушаковым мы вот здесь перед нашим подъездом почти каждый вечер сражались в городки (*смеется*).

В. Д.: Вот вы такие вещи не опускайте. Это как раз интересно. Несмеянов в городки?..

Б. М.: Да-да, после работы мы всегда собирались и часто играли вот на месте, где стоят гаражи наши сейчас, мы играли в городки. Часто мы с Борисом Александровичем... Он умер, Борис Александрович Казанский, недавно... А с Александром Николаевичем Несмеяновым вспоминали не раз, как мы тут с ним сражались. Еще Сергей Алексеевич Северцов, сын академика Северцова, тоже принимал участие в период отдыха, так что я период этот хорошо очень знаю.

В. Д.: А вы декан, то есть помощник декана, не боялись в это время уронить свое, так сказать, достоинство?

Б. М. (*смеется*): Нет.

В. Д.: Играя в городки в университетском дворе?

Б. М.: В университетском дворе, да.

Борис Степанович Матвеев. 1910-е гг. Источник фото: www.rusalbom.ru

Андрей Януарьевич Вышинский на должности ректора

В. Д.: Это очень симпатично. Кто тогда был ректором?

Б. М.: Ректором был Андрей Януарьевич Вышинский.

В. Д.: Вышинский был позже.

Б. М.: Нет, в 26-м — 27-м году он был.

В. Д.: А до Вышинского был Волгин.

Б. М.: Нет, после Вышинского был Волгин.

В. Д.: Нет, это я помню, учился. Волгин был ректором, потом ректором стал Вышинский, а Волгин стал деканом факультета общественных наук...

Б. М.: Ну, одним словом, когда я был заместителем декана, в 26-м — 27-м году, ректором был Андрей Януарьевич Вышинский.

В. Д.: Да, до 28-го года.

Б. М.: Я очень хорошо помню его, и у меня осталось о нем очень яркое впечатление.

В. Д.: Да?

Б. М.: Да.

В. Д.: Это что, это был вполне человек культурный?

Б. М.: Безусловно, очень культурный. Могу рассказать очень яркий эпизод этого времени, если хотите.

В. Д.: Пожалуйста. Вообще, эпизоды...

Б. М.: После Октябрьской революции, как вы знаете, в университет влилась масса (когда не требовалось никаких дипломов) желающих учиться. К нам на занятия, вот эти лабораторные занятия, записывалось до четырехсот человек. Мы после коллоквиума, вся школа академика Северцова, отбирали до ста человек, которые затем занимались лабораторными занятиями. Ну, вот эта толпа жаждущих учиться часто не имела достаточной подготовки, поэтому...

В. Д.: Рабфака еще не было?

Б. М.: Рабфака еще не было. Начинался тогда рабфак. Поэтому многие еще отставали и сидели в университете бесконечное количество лет.

В. Д.: Так. Первым ректором, по-моему, был Покровский Михаил Николаевич. Нет?

Б. М.: Покровский был ректором.

В. Д.: До Вышинского был Покровский и до Волгина, историк.

Б. М.: Да, вы правы.

В. Д.: Потому и университет был одно время имени М. Н. Покровского, что, конечно, было нелепо, и правильно, что его назвали имени Ломоносова. Так. Ну и что же?

Б. М.: Так вот появился на факультете громадный балласт этих студентов, которые числились студентами, но практически не занимались. И Андрей Януарьевич Вышинский, тогда ректор, решил дать срок, если не будут сданы экзамены, исключить всех этих отстающих студентов, которые действительно совершенно тормозили учебную жизнь факультета. И он издал приказ об увольнении всех не сдавших эти экзамены, который поступил ко мне как заместителю декана, что я и выполнил. Потому что действительно...

В. Д.: Нельзя было учиться.

Б. М.: Мешали они учиться. После того, когда я уволил всех этих...

В. Д.: Таких-то, таких-то, таких-то.

Б. М.: Они все направились с протестом к Вышинскому, к ректору, проситься обратно. И вот прибегает ко мне Вышинский и говорит: «Борис Степанович, что же вы всех уволили?» — «Так ваш же приказ был выполнен». — «Да, но ведь я не могу, они все ко мне приходят». Одним словом, он был совершенно потрясен...

В. Д.: То есть он сам не представлял себе, что он делает?

Б. М.: Он не представлял себе. Но вообще он был замечательный совершенно организатор, замечательный.

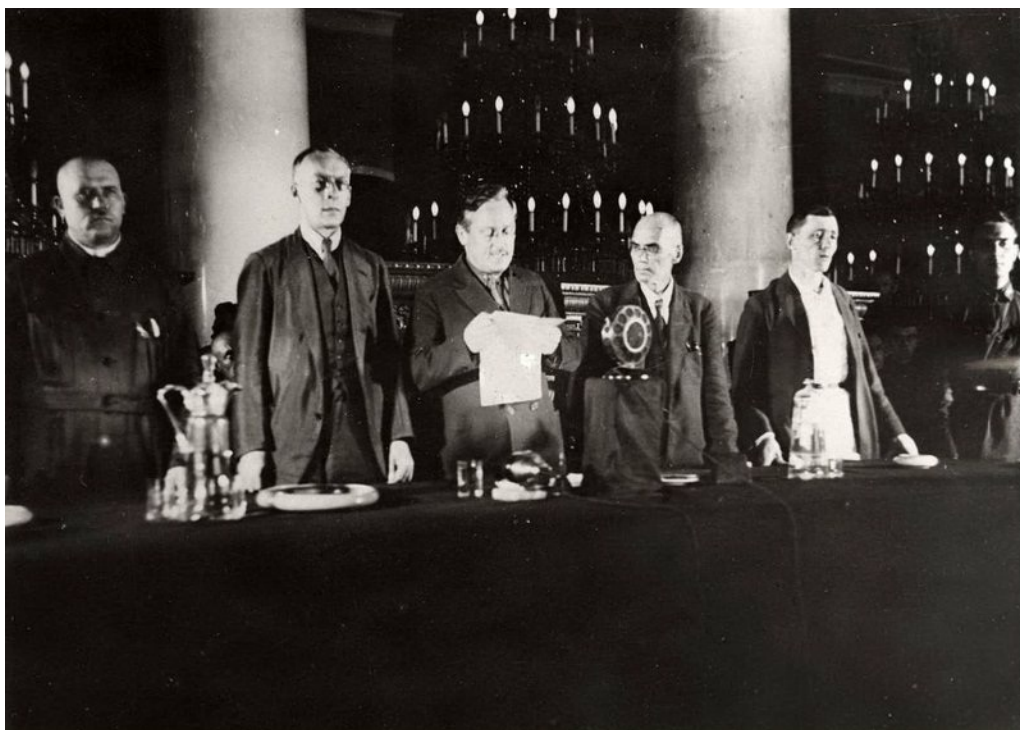
В. Д.: Он был хороший оратор, а вот какой он организатор...

Б. М.: Организатор очень хороший, прекрасный организатор. Понимаете ли, он постоянно собирал нас всех с факультетов и спрашивал, что нам нужно, какие у нас потребности. Мы непосредственно перед ректором излагали все наши нужды. Он тут же вызывал весь хозяйственный аппарат и слушал, записывал, какие требования поступают, что необходимо для правильной жизни университета. После этого тут же при нас приказывал аппарату выполнять. Как у нас по настоящее время хозяйственник часто, наоборот, чувствует себя хозяином университета, а мы, преподавательский персонал, являемся просителями, то здесь обратно совершенно взаимоотношение. В этом смысле он прекрасный организатор.

В. Д.: Да. Волгин, очевидно, один только год был.

Б. М.: Волгин недолго был.

В. Д.: До него был, но, возможно, недолго, Покровский... Вот ту я не знаю. Вы помните после... Вышинский ушел в 28-м году. Он ушел сразу в суд на Шахтинский процесс. А потом был Удальцов Иван Дмитриевич.

Андрей Януарьевич Вышинский зачитывает решение суда на Шахтинском процессе. Москва, 1928

Б. М.: Удальцов Иван Дмитриевич был одно время, да. Но он ректором не был, по-моему, он только был...

В. Д.: Ректором был.

Б. М.: Он не был ректор, я что-то не помню.

В. Д.: Потом был деканом факультета права, кажется, или исторического. Иван Дмитриевич Удальцов.

Б. М.: Да. Я знаю его очень хорошо.

В. Д.: Мне тоже пришлось с ним иметь... Я его помню. Это очень такой мягкий, хороший человек был.

Б. М.: Да, я знаю его.

В. Д.: Так. Ну, простите, я вас...

Московский университет после революции

Б. М.: Вот период после революции характеризуется тем, что вернувшиеся в Московский университет преподаватели, которые ушли из Московского университета, снова уже очень энергично принялись за восстановление традиций Московского университета по подготовке научных работников, и жизнь в университете закипела. Однако нужно отметить, что здесь получилось некоторое затруднение, заключающееся в том, что пришедшая громадная масса нового студенчества не могла, так сказать, удовлетвориться тем стилем преподавания, который был тогда в Московском университете, потому что он был очень далек от практической деятельности. И здесь начинается уже при помощи вот этих внесенных революцией новых методов жизни Московского университета, когда здесь вступали коллективные руководства в виде организации так называемых предметных комиссий, где принимали участие не только все преподаватели, но и студенчество, представительства студенчества на равных основаниях... Начались горячие обсуждения, так сказать, уже здесь системы преподавания в Московском университете.

В. Д.: Да. Время было ниспровергательское.

Б. М.: Очень. У меня где-то сохранилось... К сожалению, здесь я не могу представить это. Сохранилась очень интересная страничка напечатанная — выступление по вопросу о реформах университета тогдашнего еще ректора от 18-го года Михаила Александровича Мензбира у Луначарского...

В. Д.: О, это исторический документ!

Б. М.: Исторический документ.

В. Д.: Потому что Мензбир сам большой ученый. Все, что связано с Луначарским, очень интересно...

Б. М.: Да. Очень яркая речь.

В. Д.: У вас есть это, да?

Б. М.: Да, у меня она где-то хранится. Вот сейчас я ее не нашел, могу потом вам ее представить, она у меня где-то существует. Правда, вырванный листок, но очень яркий, где он выражает свое удовлетворение, что Комиссариат народного просвещения вызвал ректора для обсуждения реформы университета. Но тут же высказывает свое недоумение, что ему говорят о том, что университет уже отстал, что требуются реформы, тогда как университет привык сам управляться собственными силами. И почему, собственно, он отстал... Яркая характеристика...

В. Д.: Ну, это вы прочтете потом.

Б. М.: Да. Очень яркая такая речь была тогда, в 18-м году, и вот этот период характеризуется здесь включением новых методов.

В. Д.: Мы давайте сейчас остановимся на этой полосе до 18-го года как раз...

Б. М.: То есть не до 18-го, а позже уже, ведь я говорю о периоде до 26-го года.

В. Д.: Да. Ну, вот до 26-го года, тем более... Скажите также параллельно... Или вы думаете отдельно провести?.. Вот как двигалась в это время собственно сама наука, преподавание, Общество естествоиспытателей природы. Или вы об этом отдельно скажете? Как вам удобнее?

Б. М.: Я думаю, что жизнь Общества — это отдельный вопрос.

В. Д.: Отдельный? Тогда мы просто это до другого раза.

Б. М.: Оставляем, да. Это совместить очень трудно. Ведь уже сейчас шесть часов.

О студентах Московского университета в период с 1911 по 1917 год

В. Д.: Да. Ну, хорошо. Тогда мы тут немножко договорим. У меня еще есть несколько вопросов небольших. Значит, вы назвали блестящую плеяду ученых, которые были вашими товарищами-студентами в 1911-м — 12-м году. Можете ли вы назвать кого-то из 12-го — 16-го года, из того времени, которое вы охарактеризовали как время реакции. Это раз. И второе — мне хотелось бы, чтобы вы более так в общем плане подробно охарактеризовали студенчество, не отдельных студентов. Что такое студенчество после революции, вы довольно красочно рассказали, да я и сам это помню, потому что я сам был в этом студенчестве. А вот переход, значит, до Кассо, после Кассо к революции, после революции.

Б. М.: Видите, период с 1911-го по 1917-й года был очень сильно скомкан, благодаря войне 14-го года. Когда в 14-м году масса наших товарищей (ведь тогда университет был мужской) ушли на фронт, вообще жизнь в это время учебная находилась в весьма подавленном состоянии.

В. Д.: Так. Вот это уже факт.

Б. М.: Потому что здесь оставалось очень мало людей, которые могли бы учиться, потому что большинство молодых мужчин было призвано на фронт. Однако я должен сказать, что все-таки еще оставшиеся в университете преподаватели продолжали сохранять здесь какие-то старые традиции, которые были и до Кассо. У нас на биологическом, то есть на естественном отделении продолжали заниматься, продолжались эти так называемые госпрактикумы, большие практикумы самостоятельных лабораторных занятий. И в этот период можно назвать целый ряд людей, которые кончали университет, затем оставались и зарекомендовали себя в дальнейшем как крупные ученые.

В. Д.: Например.

Б. М.: Например, академик Завадовский, два, Михаил Михайлович Завадовский (ученики Кольцова) и другой Борис Михайлович Завадовский, физиолог, который точно так же...

В. Д.: Его брат?

Б. М.: Его брат. Затем специалист по линии нашей биологической, по изучению пресных вод — Сергей Дмитриевич... Забыл сейчас фамилию. Затем, значит, Александр Иванович Опарин.

В. Д.: Ах вот как!

Б. М.: Он несколько моложе нашего поколения.

В. Д.: Академик?

Б. М.: Академик, да.

В. Д.: Он по какой специальности?

Б. М.: Физиология растений. Происхождение жизни — опаринская теория. Одним словом, этот период дал русской науке целый ряд хороших, настоящих ученых, которые затем занимали кафедры и в Московском университете. Так что здесь все-таки остающиеся... Московский университет не потерял своего лица.

В. Д.: Не потерял?

Б. М.: Не потерял своего лица.

В. Д.: В смысле научном. А как в смысле настроений студенчества во время войны? Они были очень воинственны, или как? Что вы помните в связи с войной? Лазареты или, наоборот, наплыв белоподкладчиковской молодежи?

Граф Бобринский

Б. М.: Видите ли, многие ведь уходили добровольно на войну, очень многие уходили тогда добровольно на войну. Ну, я могу вспомнить, например. Вот мой большой друг и товарищ по университету, граф Николай Алексеевич Бобринский...

В. Д.: Это биолог?

Б. М.: Биолог.

В. Д.: Он потом был профессором.

Б. М.: Он был потом профессором...

В. Д.: Как его звали?

Б. М.: Николай Алексеевич.

В. Д.: Николай Алексеевич Бобринский.

Б. М.: Он в 20-м году уехал в Ташкент для организации Среднеазиатского университета. В 20-м году он уехал туда.

В. Д.: Он оставался советским профессором, да?

Б. М.: Да! А потом он вернулся и был профессором Московского университета. Мы с ним большие были друзья.

В. Д.: Я его встречал. Не был знаком, но встречал просто в другом месте.

Николай Алексеевич Бобринский — студент Московского университета. 1909. Источник фото: www.darwinmuseum.ru

Б. М.: Он является соавтором отредактированного мною учебника зоологии. Первое издание мы вместе с ним сделали, а затем это издание нашего курса, двухтомного курса зоологии, имеет уже семь изданий и продолжает быть руководящим учебником во всех университетах вплоть до настоящего времени. А после Октябрьской революции оно уже переведено, кажется, на тринадцать иностранных языков, куда входят и различного рода республики наши советские, а также и зарубежные.

В. Д.: Это уже вышло, конечно, в советские годы?

Б. М.: В советское время, в 36-м году.

В. Д.: Он не был репрессирован?

Б. М.: Нет. Николая Алексеевича много раз пытались арестовывать, но он настолько кристальная фигура, что его два-три дня подержат и выпускают. Так он репрессирован не был. Удивительный же человек был. Действительно, кристальной души совершенно человек. Так что, я знаю, много раз пытались его как графа Бобринского репрессировать, но из этого ничего

не выходило, потому что он настолько был чист.

В. Д.: Он биолог и зоолог был?

Б. М.: Зоолог, да. Он организовал в Среднеазиатском университете кафедру. Его крупные исследования были проведены еще в Средней Азии. Он большой специалист в области систематики летучих мышей и зоогеографии.

В. Д.: Зоогеографии...

Б. М.: Да.

Обратьях Вавиловых

В. Д.: А с Вавиловыми вы были знакомы?

Б. М.: С Николаем Ивановичем Вавиловым да, я был с ним знаком еще в студенческие годы.

В. Д.: Вот скажите (еще немножко у нас осталось), что вы помните о Николае Ивановиче Вавилове.

Б. М.: Николай Иванович Вавилов. Я с ним познакомился, когда в тысяча девятьсот...

В. Д.: Он ваш сверстник примерно.

Б. М.: Он мой сверстник, да. Он был тогда еще женат на первой своей супруге Сахаровой. Я помню, его первая супруга была приятельницей моей сестры, поэтому... Однажды мы отправились к ним, так сказать, в гости... Первое мое знакомство с Николаем Ивановичем произошло, когда он только что кончил Тимирязевскую академию. Я помню его маленькую квартирку у Соломенной сторожки, всю заваленную книгами... У меня началось с ним знакомство, когда он был еще сам молодым человеком. Потом мы с ним многократно встречались и находились в самых хороших отношениях, но в области науки мы все-таки довольно далеки были, так что в этом отношении контакта у меня с ним не было. Но впечатление о нем...

В. Д.: Как о человеке?

Б. М.: ...как о человеке у меня очень яркое.

В. Д.: Вот если яркое, то расскажите, в чем яркость. Трудно?

Б. М.: Я могу сказать это очень коротко.

В. Д.: Пожалуйста.

Б. М.: Необычайная целеустремленность. Понимаете, человек, который всю свою жизнь жил... Настолько ярко это было в нем выражено, производило на слушателей большое впечатление. Он действительно жил только...

В. Д.: Этой идеей.

Б. М.: Да-да. Затем удивительная отзывчивость по отношению ко всякому другому человеку, удивительная отзывчивость. Потом все это обаяние просто личное... Общение с ним давало всегда чрезвычайно большое удовлетворение. Вот я бы сказал, три такие черты, которые очень ярко характеризуют тогда еще молодого Николая Ивановича...

В. Д.: То есть впечатление сохранилось?

Б. М.: Да. Знаете, вот на днях, месяц тому назад, мне подарили книжку о Вавилове. Вы видели ее, нет?

В. Д.: Нет, не видел.

Б. М.: Очень интересная книжка.

В. Д.: О Николае Ивановиче?

Б. М.: О Николае Ивановиче Вавилове, от свидетелей его, впечатления его учеников о нем. Она у меня есть, я могу вам ее показать. Она у меня на даче осталась.

В. Д.: Жалко. А Сергея Ивановича вы тоже знали?

Б. М.: Сергея Ивановича Вавилова знал, конечно, да.

В. Д.: Сергей Иванович отличался от него значительно? Большей такой...

Б. М.: Сергея Ивановича знал, знал Николая Ивановича, так что с ним встречался только, так сказать, уже более...

В. Д.: Ну, а как декан? Ведь он же ректором был?

Б. М.: Кто?

В. Д.: Ах, нет. Ректором он не был.

Б. М.: Ректором он не был.

В. Д.: Он был президентом Академии.

Б. М.: Он был президентом Академии наук. Вот в Академии наук я сталкивался с Сергеем Ивановичем, но с Сергеем Ивановичем личной связи у меня не было.

В. Д.: Но вообще оба брата были как-то причастны и к музыке, и к живописи... Они ведь были очень широкие люди.

Б. М.: Да, я знаю, но так не могу вам сказать. Личного контакта у меня с ним было немного.

В. Д.: Хорошо. Борис Степанович, давайте мы сейчас на этом закончим. Университет, собственно, вы почти закончили, но все-таки я предоставляю вам возможность в следующий раз тоже этим закончить, потому что меня интересует время как раз до Удальцова, до первой трети 30-х годов. Там уже начинается другая эпоха. И потом пройдите это же время с Обществом естествознания, и саму вашу специальность, науку, не очень специально, конечно, но все-таки вы расскажите...